

СЕНЕКА

О ПРИРОДЕ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
С31

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с латыни *Т. Бородай*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Сенека, Луций Анней.
С31 О природе / Луций Анней Сенека; [перевод с латыни Т. Бородай]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-179593-1

Луций Анней Сенека (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — древнеримский философ-стоик, учившийся ораторскому мастерству в Риме, автор речей и трагедий, философских трактатов и писем, в том числе «Нравственных писем к Луцилию».

В трактате «О природе» Сенека в чем-то повторяет старое учение об элементах. Это вода и огонь, воздух и земля. Все эти элементы взаимопревращаемы, а следовательно, всё находится во всём и всё возникает из всего, ибо природа и мир — единое целое.

Именно природа и Космос для стоиков — источники бытия, порядка, целесообразности, провидения, блага и добродетели, и, согласно стоическим воззрениям, они божественны.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-179593-1

© Перевод. Т. Бородай, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

КНИГА I

Об огнях в воздухе

Предисловие

1. Ты знаешь, Луцилий¹, лучший из людей, сколь велика разница между философией и прочими искусствами; не меньшая существует, по-моему, и внутри самой философии между той ее частью, которая касается людей, и той, которая относится к богам². Вторая — и выше, и сильнее, и потому присвоила себе большее дерзновение; не удовлетворяясь видимым, она провидит нечто большее и прекраснейшее, спрятанное природой подалее от глаз.

2. Иными словами, разница между обеими такая же, как между богом и человеком. Одна учит, что следует делать на земле, другая — что делается на небе. Одна разъясняет наши заблуждения и служит нам лампой, при свете которой можно разобраться в жизненных трудностях; другая, поднимаясь ввысь, выходит далеко за пределы мрака, в котором мы вращаемся, и, вырвав нас из тьмы, ведет к самому источнику всякого света.

3. Я воистину благодарен природе не тогда, когда вижу в ней то, что видно каждому, а когда, проникнув в самые сокровенные ее глубины, узнаю, какова материя вселенной; кто ее создатель, начальник

и страж; что такое бог; сосредоточен ли он всегда на себе самом³ или же и на нас иногда взирает⁴; создает ли он каждый день что-нибудь или создал все однажды и навсегда⁵; часть ли он мира или сам мир⁶; можно ли ему и сегодня принимать решения и вмешиваться в законы судеб, или же признание ошибки — ведь он создал то, что нужно менять, — нанесет ущерб его величию... Тот, кто способен хотеть лишь наилучшего, непременно будет хотеть всегда одного и того же. И ни свобода его, ни могущество не потерпят оттого никакого ущерба: ведь он сам себе необходимость⁷.

4. Не будь мне доступно все это знание, не стоило бы, право, и родиться. Чего ради стал бы я радоваться, что попал в число живущих? Чтобы переварить горы пищи и питья? Чтобы без конца набивать это хилое и вялое тело, которое погибнет, если не наполнять его ежечасно, — чтобы жить слугой при больном? Чтобы бояться смерти, для которой одной мы рождены? Отнимите у меня это бесценное благо — без него жизнь не стоит пота и треволнений.

5. О сколь презренная вещь — человек, если не поднимется он выше человеческого! Пока мы лишь боремся со страстями — разве это подвиг? Даже если мы одержим верх — мы побеждаем призрачных чудовищ, а не достойного противника. Не уважать же нам самих себя только за то, что мы не сравнялись в мерзости с последним подонком? Я не вижу оснований для особого самодовольства у того, кто оказался крепче других в больнице.

6. Временное облегчение болезни — это еще не здоровье. Ты избежал пороков души: в угоду чужой

воле не кривишь ни лицом, ни речью, ни сердцем; нет в тебе скупости, отказывающей даже себе в том, что отняла у других; нет расточительности, бесстыдно разбрасывающей деньги, которые она станет добывать вновь еще бесстыднее; нет честолюбия, которое не укажет тебе других путей к достоинству, кроме недостойных, — все равно, до сих пор ты не достиг ничего. Ты избежал многого, но еще не себя самого. Ибо добродетель, к которой мы стремимся, — вещь, конечно, превосходная, но не потому, чтобы свобода от зла сама по себе составляла благо, а потому, что она освобождает душу, подготавливает ее к познанию небесных вещей и делает достойной того, чтобы приобщиться к богу.

7. Вот тогда-то, поправ всякое зло и устремляясь ввысь, душа проникает в сокровенную глубину природы и в этом обретает самое полное и совершенное благо, какое только может выпасть на долю человека. Тогда сладостно ей, странствующей среди звезд, смеяться над драгоценными мозаичными полами в домах наших богачей, над всей землей с ее золотом, — я говорю не только о том, которое она уже извергла на свет, отдав на чеканку монеты, но и о том, которое еще хранит в своих недрах для разжигания алчности грядущих поколений.

8. Роскошные колоннады, сияющие слоновой костью наборные потолки, искусно подстриженные аллеи, струящиеся в домах реки не вызовут презрения в душе до тех пор, пока она не обойдет весь мир и, оглядывая сверху тесный круг земель, и без того закрытый по большей части морем, но и в остальной своей части почти везде пустынно-дикий, скован-

ный либо зноем, либо стужей, не скажет сама себе: «И это — та самая точка, которую столько племен делят между собой огнем и мечом?»

9. О как смешны все эти границы, устанавливаемые смертными! Вот, наше оружие не должно пускать даков через Истр⁸, а фракийцев — через Гем⁹; парфянам должен преграждать путь Евфрат; Данубий — ограничивать римлян от сарматов; Рейн — положить предел Германии; Пиренейский хребет — возвышаться посередине между Галлиями и Испаниями¹⁰; мертвые безжизненные песчаные пустыни — разделять Египет и Эфиопию.

10. Интересно, если бы кто дал муравьям человеческий разум, неужто и они разделили бы свою полянку на множество провинций? Когда поднимешься в ту подлинно великую область и увидишь сверху какое-нибудь очередное войско, торжественно выступающее под развернутыми знаменами, словно происходит что-то действительно серьезное, конников, то выезжающих вперед, то съезжающихся к флангам, так и хочется сказать:

*По полю черный строй идет и по узкой тропинке
тащит добычу меж трав...*¹¹

Право, это та же суета, что и у муравьев, толкущихся на тесном пятачке. Да и чем они от нас отличаются — разве что размерами крошечного тельца?

11. Пространство, где вы плаваете на кораблях, воюете, царствуете, — точка¹². То, что вы создадите, будь это даже империя от океана до океана, — меньше малого. В вышине же — безмерные просторы, во вла-

дение которыми вступает душа, если она взяла от тела лишь самую малость, если стряхнула с себя всякую грязь и взлетела, вольная, легкая, довольная малым.

12. Попав туда, душа питается и растет; освобожденная словно от оков, она возвращается к своему истоку¹³, и вот доказательство ее божественности: все божественное ее радует, занимает — не как чужое, как свое. Беззаботно следит она за закатом и восходом светил, за их столь различными и столь гармонично согласованными путями; наблюдает, где какая звезда впервые засветилась над землей, где высшая точка ее пути, где низшая, — все обдумывает, все исследует любопытный наблюдатель. А почему бы и нет? Она ведь знает, что это — ее, родное.

13. Тогда-то и начинает она презирать тесноту прежнего своего жилища. Ведь от самых дальних берегов Испании до Индии расстояние какое? Считанные дни, если ветер кораблю попутный¹⁴. А в той небесной области? Стремительнейшая звезда, двигаясь без остановок и с равной скоростью все прямо, может мчаться здесь тридцать лет¹⁵.

Наконец, именно там душа получает наконец ответ на то, о чем долго спрашивала: именно там она начинает познавать бога. Что такое бог? Ум вселенной¹⁶. Что такое бог? Все, что видишь, и все, чего не видишь¹⁷. Он один есть все; он один держит все созданное им и внутри и снаружи — только так можно воздать должное его величию, более которого нельзя ничего помыслить.

14. Какая же разница между природой бога и нашей? В нас лучшая часть — душа; в нем нет ничего, кроме души. Он весь — разум.

А тем временем смертные настолько погрязли в заблуждении, что небо, которого ничего нет прекраснее, упорядоченное в раз навсегда заданном порядке, люди считают бессмысленным, подвластным лишь игре случая¹⁸ и оттого беспрестанно смятенным всевозможными молниями, тучами, бурями, какие потрясают землю и ее окрестности.

15. И не только толпу заразило это безумие, но и некоторых, объявляющих себя приверженцами мудрости. Есть такие, кто думает, будто у них самих душа есть, и душа предусмотрительная, способная распорядиться своим и чужим; вселенная же эта, в которой мы живем, лишена будто бы всякого смысла, и то ли сама несется неизвестно куда; то ли движется природой, не ведающей, что творит¹⁹.

16. Не кажется ли тебе, что узнавать все это — занятие весьма стоящее? Насколько могуществен бог? Создает ли он сам себе материю или пользуется данной? Что первее: разум ли предшествует материи или материя разуму? Создает ли бог все, что пожелает, или же во многих вещах то, с чем ему приходится иметь дело, сопротивляется ему, не дается, так что из рук великого искусника многое выходит дурно созданным, и не от недостатка искусства, а из-за сопротивления материала искусству?

17. Вот этим заниматься, это изучать, этому прилежать — разве не значит перепрыгнуть через свою смертность и сподобиться лучшей участи? Ты спросишь, какой мне от этого прок? Может, и никакого, хотя одна-то польза есть во всяком случае: примерившись к богу, я буду знать, что все остальное ничтожно мало.

Глава I

1. Теперь пора мне приступить к моему предмету; выслушай же, что я думаю об огнях, проносящихся сквозь воздух.

Они несутся по кривой и со стремительной скоростью; это доказывает, что они низвергаются с большой силой. Очевидно, что они не движутся сами по себе, но их что-то бросает.

2. Выглядят такие огни очень разнообразно. Какой-то из видов их Аристотель называет «козой»²⁰. Если ты захочешь спросить меня, почему, сначала ответь мне, почему козы называются козами. Если же, что будет гораздо удобнее, мы уговоримся не задавать друг другу вопросов, на которые другой заведомо не может ответить, достаточно будет исследовать само явление, не доискиваясь, с чего бы это Аристотель стал называть козой огненный шар. Ибо именно такова была форма огня, который явился — величиной с луну — во время войны Павла против Персея²¹.

3. Мы и сами видели не однажды пламя в виде огромного столба, который на лету рассыпался. Подобное знамение мы видели незадолго до кончины божественного Августа²². Видели и во время казни Сеяна²³, да и кончина Германика²⁴ не обошлась без такого предзнаменования.

4. Возразишь мне: «Неужто ты настолько погряз в заблуждениях, что полагаешь, будто боги посылают предзнаменования смертей, словно на земле есть что-нибудь столь великое, что весь мир знает о его гибели?» Это мы обсудим в другое время. Тогда и увидим, происходят ли все вещи в определенном порядке, так что всякое предшествующее — либо причина, либо знамение последующих. Увидим, пекутся ли боги о делах человеческих; возвещает ли сама последовательность миропорядка о том, чему предстоит свершиться, определенными знаками.

5. Покамест²⁵ же я вот что думаю: подобные огни возникают от сильного трения воздуха, когда одна часть его теснит другую, а та не уступает и сопротивляется. Из этого противоборства возникают столбы, и шары, и факелы, и свечения. А при более легком столкновении и, так сказать, трении, высекаются более мелкие огоньки:

...Звезды

Часто проносятся вниз, а за ними влечется их волос²⁶.

6. Тогда мельчайшие огоньки обозначают и протягивают по небу тоненькую огненную дорожку. Ни одна почти ночь не проходит без подобного зрелища: ведь для этого не нужно большого перемещения воздуха. Одним словом, возникают они так же, как и молнии, только силы для этого требуется меньше; подобно тому как столкновение туч со средней силой производит зарницы, а более сильное — молнии, так и здесь: чем меньше воздуха и чем

слабее его сжатие, тем более мелкие получают огоньки.

7. Аристотель предлагает еще и такое объяснение. Круг земель выдыхает много разных испарений: одни влажные, другие сухие, третьи горячие, четвертые легко воспламеняющиеся²⁷. Неудивительно, что у земли бывают испарения разных видов: ведь и в небе явлены самые разные цвета: Пес ярко-красный²⁸, Марс — тусклее, Юпитер вовсе лишен цвета, испуская чистый свет.

8. Следовательно, среди множества частиц, испускаемых землей и уносящихся вверх, непременно должны попадать в тучи и некоторые легковоспламеняющиеся вещества, причем загораться они могут не только от удара, но даже и от дыхания солнечных лучей; ведь и у нас ветки, обрызганные серой, можно зажечь на расстоянии.

9. Вполне правдоподобно поэтому, что подобное вещество, скопившись в тучах, легко загорается, и возникают большие и маленькие огни, в зависимости от того, больше или меньше в них было сил.

Ничего нет глупее, как предполагать, будто это звезды падают или перепрыгивают с места на место, или будто от звезд что-то отваливается или отрывается.

10. Ведь если бы было так, звезд бы уже не осталось. А между тем каждая оказывается на своем обычном месте и в своих обычных размерах; следовательно, те огни рождаются ниже звезд и быстро пропадают, поскольку нет у них своего места и прочного основания.

11. Но почему же они не появляются среди дня? — Так ты скажешь, пожалуй, что и звезд днем нет, раз

их не видно? Как не видно звезд, когда их затмевает солнечное сияние, так и эти факелы: они проносятся и днем, но яркость дневного светила скрывает их. Если же сверкнет порой вспышка такой силы, что блеск ее устоит и против дневного света, тогда появляются и днем.

12. На нашем веку точно появлялись дневные факелы, и не один раз: одни проносились с востока на запад, другие — с запада на восток.

Моряки считают, что если падает много звезд, значит, будет буря. Но если это — предвестие ветров, то рождается оно там же, откуда и ветры, то есть в воздухе, который посередине между Луной и Землей.

13. При сильных бурях часто появляются как бы звездочки, садящиеся на паруса; терпящие бедствие мореходы думают тогда, что это им помогают боже-ства Кастора и Поллукса²⁹. Но причина для доброй надежды здесь иная: очевидно, что буря уже переломилась и ветры утихают — в противном случае огни неслись бы, а не сидели.

14. Когда Гилипп³⁰ направлялся в Сиракузы, появилась звезда, остановившаяся на самом кончике его копья. В римских лагерях видели, как загорались дротики: это значит, что на них попали огни. Они часто являются в виде молний и тогда обычно поражают деревья и живых существ; но, когда в них меньше силы, они просто тихо соскальзывают с неба и садятся на что-нибудь, никого не поражая и не раня.

Есть среди них такие, которые высекаются между туч; другие появляются при ясном небе, когда воздух достаточно сжат, чтобы испускать огни.

15. Ведь и гром гремит порой с ясного неба и по той же самой причине, что из туч — из-за столкновения масс воздуха; ведь и более прозрачный и сухой воздух может собираться и образовывать некие тела, подобные тучам; они-то, сталкиваясь друг с другом, и издают звук.

Тогда в каком же случае получаются столбы? В каком — круглые щиты или подобия большого пожара? Когда на то же вещество воздействует подобная же причина, только бóльшая.

Глава II

1. Посмотрим теперь, как получается сияние, окружающее иногда светила. Передают, что в тот день, когда божественный Август, вернувшись из Аполлонии, вступил в Рим, вокруг солнца был виден разноцветный круг³¹, какой обычно бывает в радуге. Греки зовут его «гало»; мы можем назвать его, пожалуй, венцом³². Расскажу, как объясняют его происхождение.

2. Когда в бассейн брошен камень, мы видим, как по воде расходится множество кругов: сначала возникает первый — самый маленький, затем другой — побольше, затем — все больше и больше, пока не иссякнет первоначальный толчок и не растворится в глади неподвижных вод. Предположим, что нечто подобное происходит и в воздухе. Сгустившись, он становится чувствителен к удару; свет солнца, луны или любого другого светила, попадая в него, заставляет его расходиться кругами. Ведь жидкость, воздух, все, что приобретает форму от напора извне,

сжимаясь, принимает облик того, что его сжимает; но всякий свет распространяется кругами; следовательно, и воздух от удара света будет расходиться кругами.

3. Из-за этого греки называли подобное сияние тем же словом, что и «гумно», — ведь места, предназначенные для обмолота зерна, почти всегда круглые. Не следует, однако, полагать, что эти будь то гумна, будь то венцы, образуются действительно рядом со светилами. Ибо они, хотя и кажутся окружающими их и словно венчающими, на самом деле отделены от них огромнейшим расстоянием; светящийся образ, который зрение наше, обманутое обычной своей слабостью, считает расположенным вокруг самого светила, возникает совсем недалеко от земли.

4. Ничего подобного просто не может произойти рядом со звездами или солнцем — ведь там лишь тонкий эфир. Только в плотных и густых телах могут запечатлеваться формы; в тонких им негде утвердиться, не за что зацепиться.

Подобные венцы можно иногда наблюдать в банях вокруг светильников³³ из-за темноты спертого воздуха — и особенно часто при южном ветре, когда атмосфера самая тяжелая и сгустившаяся.

5. Венцы эти иногда постепенно расплываются и пропадают. Иногда разрываются с какой-нибудь стороны; оттуда, где расплелся венец, моряки ожидают ветра: если разошелся с северной стороны — будет аквилон, если с западной — фавоний. Вот лишнее доказательство того, что венцы возникают в той же части неба, что и ветры; выше не бывает венцов, поскольку нет и ветров.

6. Добавь к этим аргументам еще один: венец собирается только при неподвижном воздухе и слабым ветре — при других обстоятельствах его не бывает видно. Ведь только неподвижный воздух можно сжать или раздвинуть, придав ему определенный облик; а на поток воздуха свет не может нажать, ибо тот не оказывает сопротивления и не принимает никакой формы, поскольку каждая его часть тотчас уносится прочь.

7. Итак, подобное изображение никогда не появится вокруг какого бы то ни было светила иначе, чем при густом и неподвижном воздухе, готовом принять и удержать попадающий в него луч круглого света. И на то есть причина. Вспомни-ка пример, который я недавно приводил. Брось камешек в бассейн или в озеро — в любую стоячую воду — пойдут бесчисленные круги; а в реке ничего не получится. Почему? Потому что текущая вода размывает любые очертания. То же самое происходит и в воздухе: неподвижный, он может принимать определенные очертания; текущий же и несущийся не дает такой возможности, сметая любое давление и любую форму.

8. Когда венцы, о которых я веду речь, равномерно расплываются и сами по себе тихо пропадаются, это предвещает безмятежность воздуха, тишину и покой; если они исчезнут с одной стороны — оттуда, где они раскололись, будет ветер; если порвались во многих местах — будет буря.

9. Почему это так, можно понять из того, что я уже изложил. В самом деле, если все изображение исчезает целиком, значит, воздух уравновешен и тем самым спокоен. Если оно пропадет с одной стороны,